

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ РАЗГОВОРНОГО СТИЛЯ К. И. ЧУКОВСКОГО

О. Н. Олейникова

Воронежский институт МВД Российской Федерации

Поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются иноязычные вкрапления разных типов и разрядов из разных языков, включенные К. И. Чуковским в тексты разговорно-бытового стиля. В работе определены функции иноязычных вкраплений, способы их ввода в тексты. Материалом исследования являются все известные на сегодня тексты этого автора. Вкрапления систематизированы в соответствии с двумя классификациями. Особое внимание уделено вкраплениям-онимам.

Ключевые слова: полные иноязычные вкрапления, частичные иноязычные вкрапления, вкрапления-онимы, полилингвизм.

Abstract: the article examines foreign language inclusions of different types and categories from different languages, included by K. I. Chukovsky in the texts of the colloquial style. The paper defines the functions of foreign language inclusions, ways of entering them into texts. The research material is all the currently known texts of this author. The inclusions are systematized according to two classifications. Special attention is paid to inclusions-onyms.

Keywords: full foreign language inclusions, partial foreign language inclusions, inclusions-they are us, multilingualism.

В 2024 году исполняется 55 лет со дня ухода из жизни К. И. Чуковского, блестящего ученого-литературоведа, текстолога, лингвиста, переводчика, литературного критика, педагога, репортера, организатора ряда образовательных и писательских объединений. И это далеко не полный перечень того, чем занимался этот филолог от Бога. Между тем К. И. Чуковский известен в нашей стране в основном как детский поэт. При этом из пятнадцати томов его полного собрания сочинений всего менее двух занимают произведения для детей [1].

Огромную ценность для историков русской речи, социологов, культурологов, историков литературы, просто историков представляют его тексты разговорного стиля речи. Ведь всю жизнь К. И. Чуковский вел дневники, которые позднее использовал при написании воспоминаний о своих современниках. В одном из них Чуковский записал: «Он выговаривает «Russian, Рустинан.» Странную вещь я в себе подметил. Все такие мелочи жизни — даже не характерные, даже бессвязные, даже ничего ничему, кроме памяти не говорящие, — я записываю с особым тщанием» [1, т. 11, с. 98]. Контактируя с огромным числом выдающихся деятелей литературы, искусства, науки, этот автор оставил интереснейшую информацию о них. Кроме обычных дневников Чуковский вел «особые» дневники, по определенным темам.

Кроме того, К. И. Чуковский вел обширную переписку как с проживавшими в стране, так и с иностранными учеными, переводчиками и др. Дневники, воспоминания, письма К. И. Чуковского удивительно передают «дух времени», приметы и противоречия эпохи, вернее эпох, так как Чуковский прожил очень долгую жизнь, в течение которой успели смениться разные этапы жизни страны. Он был знаком со множеством знаковых фигур культуры страны, посещал общественные мероприятия, «варился» в литературном котле. К сожалению, Чуковский частично сам уничтожил некоторые страницы своих дневников и письма, адресованные ему. Многие документы утрачены по другим причинам. И все же сохранились интереснейшие для исследования материалы в объеме, позволяющем выявить систему иноязычных вкраплений (далее ИВ) в текстах этого автора.

Тексты разговорно-бытового стиля не часто оказываются в центре внимания исследователей. А работ, посвященных исследованию ИВ в текстах К. И. Чуковского, нет. ИВ, описанные в данной публикации, выделены путем сплошной выборки из всех известных на сегодняшний день текстов. В примерах сохранена пунктуация и орфография источников. Многие письма, опубликованные в полном собрании сочинений, представлены широкой публике впервые [1]. Функционирование ИВ (слов, словосочетаний, отрывков текста и текстов в исконной графике или в русской графике) в текстах отражает особенности личности

их автора: его сложную биографию, перипетии судьбы, уровень образованности и др. И конечно, социокультурную ситуацию в стране и обществе, в том числе отношение к культурной традиции вводить в тексты ИВ. А в текстах Чуковского есть индивидуальные особенности ввода в тексты ИВ, что делает их особенно интересными для исследования.

Конечно, нужно отметить, что именно в Воронеже, в ВГУ, сложилась школа по изучению этого интересного речевого явления. Огромную роль сыграла Ю. Т. Листрова-Правда, автор нескольких монографий и множества статей об ИВ [см., напр., 2]. Именно этот профессор доказала следующее: «Иноязычными вкраплениями могут стать не только отдельные иностранные слова, словосочетания, части предложений и значительные отрывки текста на чужом языке, но и более или менее самостоятельные речевые произведения (стихотворения, рассказы, юридические документы и т.д.), находящиеся в иноязычном окружении» [2, 23]. Ей же принадлежат две детальные классификации ИВ (с точки зрения соотношения вкраплений с системами контактирующих языков и с точки зрения связанности с национально-культурной спецификой принимающего вкрапление текста), которые позволяют классифицировать ИВ с разных сторон [2].

В дневники и письма К. И. Чуковский спонтанно вводил ИВ, так как дневники писал для себя; даже упоминал, что они нужны ему для написания когда-нибудь воспоминаний об известных современниках. Круг адресатов писем этого автора широк. Но в основном это литераторы и переводчики, поэтому ввод ИВ в письма естественен, так как К. И. Чуковский хорошо знал возможности своих адресатов в плане понимания иностранных слов.

В отличие от произведений других авторов, исследованные тексты Чуковского содержат ИВ не только в виде слов и словосочетаний, но и текстов значительного объема, больших отрывков из них [3, 4]. Например, пространная цитата из Уитмена дана в дневнике за 1917 год [1, т. 11, с. 205–206], из Томаса Мура в записях за 1926 год [1, т. 12, с. 279], из Тараса Шевченко в дневнике за 1927 год [1, т. 12, с. 331]. В письме В. Ф. Лазурскому Чуковский включил несколько стихов на английском языке [1, т. 14, с. 60–61] и т.д., и т.п. Но и свои тексты Чуковский иногда писал по-английски. Например, некоторые страницы дневников, написанных в Лондоне, представляют собой фактически русско-английские тексты [см., напр., 1, т. 12, с. 100]. Подобные примеры многочисленны.

Частотность ИВ в текстах Чуковского неравномерна. Если в первой половине жизни автор буквально «пересыпал» ими письма и дневники, то в последние пару десятилетий его жизни их меньше. Впрочем, и дневники К. И. Чуковский уже писал реже. Резко сократилась переписка. Его любимые адресаты уходили из жизни.

К. И. Чуковский вводил в тексты вкрапления из разных языков. Ввод вкраплений, как и высокая их частотность, непосредственно связаны с полилингвизмом автора. Удивительно, но факт: отчисленный из гимназии по пресловутому циркуляру «о кухаркиных детях» министра просвещения И. Д. Делянова как незаконнорожденный, будущий литератор и языковед широчайшего диапазона продолжал сам изучать английский и латынь, проявив удивительное для подростка упорство, и сдал экзамены экстерном. При этом ему не могла помочь семья (мать была украинской крестьянкой, так и не освоившей даже русский язык). С таким же упорством Чуковский продолжил изучение английского языка, находясь в статусе корреспондента в Лондоне. И стал блестящим переводчиком, автором многочисленных статей о теории и практике перевода. А латынь была для него заветной мечтой, о чем он неоднократно писал. И он изучал ее параллельно с английским. Познания в латыни позволили ему в свое время даже иногда обучать этому языку. Украинский язык Чуковский в молодости считал разновидностью русского, но в зрелые годы признал его самостоятельность. Интерес к этому языку был связан, безусловно, с любовью к матери и интересом к своим корням.

Именно в связи с этими обстоятельствами (полилингвизмом, длительным проживанием в Лондоне, в многоязычной Одессе) чаще всего в текстах Чуковского обнаруживаются английские, украинские и латинские вкрапления. Но есть также французские, немецкие, финские, итальянские, польские, греческие вкрапления и вкрапления из идиш (последовательность языков указана по нисходящей). Количество языков превышает выбор современниц Чуковского [3, 4].

Анализ вкраплений с точки зрения их соотношения с системами контактирующих языков дал следующие результаты. К. И. Чуковский вводил в тексты полные ИВ, «то есть никак не ассимилированные тексты на иностранном языке (самостоятельные предложения или их сочетание; междометия, обращения, части сложного предложения, вставные или вводные конструкции)» [2, 24]. Например: «Неожиданно получил я письмо от жены Литвинова (Head of our Foreign Office)» [1, т. 15, с. 73]; «Я дал ему два урока английского языка, и он уже: — I do not want to kiss black woman, I want to kiss white woman.» [1, т. 15, с. 55]; «В больнице он познакомился с Маршакон. Grand ecrivain!» [1, т. 13, с. 273].

В исследованных текстах есть частичные вкрапления, сохранившие в принявшем их тексте свою семантику, исконную графику, свой морфологический облик, не имеющие выраженных морфологических показателей синтаксической связи с русскими членами предложения. Например: «Веллер-Гуревич — которую он называл Маман, когда она жила в довольстве, и от которой отвернулся, когда она

очутилась в беде» [1, т. 15, с. 536]; «Он назвал Москву «a wonderful city»...» [1, т. 15, с. 570]. Но самыми частотными частичными вкраплениями являются иностранные слова/словосочетания, входящие в словоизменительную парадигму или в систему согласования, то есть частично приобретшие морфологический облик, свойственный русским словам. Например: «Будьте другом, если эти авторы есть в дешевых rareback'ах, пришлите, пожалуйста» [1, т. 15, с. 596]. Английское слово дано в единственном числе, добавлено русское окончание, определение — во множественном. Еще примеры: «Но такого у меня нет, поэтому настоящее послание я пишу ball-point'ом, хотя это и считается неприличным» [1, т. 15, с. 254]; «Не сердитесь на меня за эти jokes» [1, т. 14, с. 51]. В последнем примере русское указательное местоимение согласовано в числе с английским вкраплением. Вот примеры согласования вкрапления с определением в роде: «Если же и выйдет какое дівча с декламацией — либо стихи дрянь, либо декламация — дрянь, либо и то, и другое» [1, т. 13, с. 27]; «Но вчера вечером мы на балкончике на Невском договорились до какого-то modus'a vivendi» [1, т. 12, с. 227]. Частичные вкрапления такого вида распространены у многих авторов [3, 4, 5]. Даже редкое по графике вкрапление автор передает в исконном виде: «Я недавно Στέφανος перечитывал (хотя я знаю эту книгу наизусть) и был поражен гармоническим сочетанием Сальери и Моцарта в этой книге» [1, т. 14, с. 366]. Иногда Чуковский виртуозно играет грамматикой, создавая гибриды вкраплений с показателями грамматических категорий русского языка, например: «Странно подумать, что Дионейше теперь лет 45» [1, с. 14, с. 385]. Речь идет о жене И. В. Шкловского, имевшего псевдоним Dioneo. Еще один «гибрид»: «Чуть кончу с Altalenой, возьмусь» [1, т. 11, с. 54].

Кроме того, Чуковский использует частичные вкрапления, представляющие собой иностранные тексты разного объема, переданные русской графикой. Например: «Прочитал Вашу «Каптинз дотер» почти всю» [1, т. 15, с. 414]. Это редкий пример английского вкрапления в русской графике. Вкрапления из языков, которые Чуковский знал недостаточно хорошо или совсем не знал, он обычно передавал в русской графике. Например: «Кудри надвинуты на лоб, итальянскую шляпу набекрень, — же ву салю! — и пошел, освещая лужи заграничным фонарем» [1, т. 13, с. 90]. Русской графикой Чуковский подчеркивает плохое знание иностранного языка своим современником: «Тихонов потом читал статью Шпенглера и вместо тедиум витэ сказал таедиум витэ [1, т. 12, с. 46]. Два этих латинских вкрапления антонимичны по значению («гимн жизни — отвращение к жизни»). Впрочем, в другом случае Чуковский при той же речевой интенции использует исконную графику: «Тихонов недавно в заседании вместо Taedium vitae несколь-

ко раз сказал Te Deum vitae» [1, т. 12, с. 29]. Еще один пример: «Один из них Васька гулял по всему Парижу в толстовке и по-французски даже «бонжур» не знал» [1, т. 12, с. 375]. Чуковский часто менял в Лондоне жилье определенного типа, и сам тип жилья стал для него настолько привычным, что он начал обозначать его русскими буквами, в том числе в дневниках лондонского периода, хотя английская среда подкрепляла ввод в дневники вкраплений в исконной графике. «Все бординг-хаузы без конца» [1, т. 11, с. 87]. При этом страницы лондонского дневника буквально пересыпаны вкраплениями в исконной графике, например: «Она сварила мне яичко, чай закипятила: cake, хлеб, масло и kindness» [1, т. 11, с. 92]; «А когда я сегодня за breakfast'ом сказал капитану, что Одесса wicked town, он запротестовал — и сказал: нет!» [1, т. 11, с. 100]. Подобное характерно для текстов разговорно-бытового стиля проживавших в условиях иноязычной среды русских [5, 6]. Играя словами, Чуковский иногда одно и то же понятие обозначал и ИВ, и русской графикой, например: «Справились у сторожа, тот посмотрел на бумагу, висящую у домика, сказал sabby какую-то цифру — кэбби поехал веселей» [1, т. 11, с. 95]. Это проявление идиостиля этого автора. Вкрапление из идиш, как и было принято оформлять вкрапления из восточных языков, автор пишет русскими буквами: «...это было еврейское слово йо (да), которое девушка говорит своему возлюбленному» [1, т. 15, с. 576; 2, 3, 4, 5, 6].

Нулевое вкрапление, представляющее собой «обычный русский переводной текст или отрывок такого текста, включенный в оригинальную русскую речь», большая редкость у Чуковского [2, 26]. Обнаружено нулевое французское вкрапление в дневнике 1968 года. Чуковский услышанную пятьдесят лет назад французскую фразу не счел нужным передать полным вкраплением: « — Не играй с этим стариком! — сказала по-французски гувернантка на бульваре у Казанского собора, когда я стал перебрасываться мячом с ее питомицей, девочкой лет 8-ми» [1, т. 13, с. 509]. Нулевые вкрапления не нужны автору-полилингву. То же наблюдается в текстах разговорно-бытового стиля А. А. Ахматовой [3].

Почти нет контаминированных вкраплений, то есть явлений «ломаной речи». Редкий случай — финские вкрапления, представляющие собой русские слова, сохранившие русское грамматическое оформление и русскую семантику, но выступающие в нерусском звуковом оформлении. Передан так называемый иностранный акцент. «— Рипа! Рипа! (рыба) — кричит чухонец» [1, т. 11, с. 144]. В следующем примере частичное вкрапление в исконной графике и контаминированное из финского языка в одной фразе: «Сочувствие бюстной чухонской fröken: ми, шетири дами, на автомобиле» [1, т. 11, с. 169].

По соотношению с национально-культурной спецификой текста в исследованном материале есть ИВ

обоих разрядов. ИВ первого разряда связаны с национально-культурным своеобразием текста непосредственно или косвенно, а второго — ассоциативно или никак [2]. К вкраплениям первого разряда относятся, например, онимы. По соотношению с системами контактирующих языков они разные: полные, частичные разных видов; как в исконной графике, так и в русской.

Огромное количество онимов-вкраплений представляют собой библиони́мы, фамилии авторов и персонажей произведений. Например: «Тургенев советовал переменить заглавие романа «Education sentimentale» [1, т. 11, с. 30]; «Энгельса «Die Lage der Arbeiten den Klasse in England» [1, т. 11, с. 35]; «Я зажег свою лампаду и разыскал еще одну книгу Games' a «Confidence», — попробую хоть немного отвлечься от грусти» [1, т. 12, с. 16]. Интересно, что в одном и том же тексте может быть оним-вкрапление и оним на русском языке, например: «Он гораздо тоньше и остроумнее Gacobs'a и Джерома — и приближается к Catherine Mansfield» [1, т. 15, с. 32]; «Читаю Томаса Гарди роман «Far from the Madding Crowd» — о фермере Oak'e, который влюбился» [1, т. 12, с. 22]. Автор как будто не задумывается над выбором способа передачи информации, действуя интуитивно. Особенно это заметно в дневниках, некоторые страницы которых похожи на своего рода «поток сознания», что естественно для этого жанра и что отмечается у авторов круга Чуковского [3, 4, 6]. Иногда, даже в дневниках, то есть текстах, не предназначенных чужому глазу, автор дублирует вкрапления по-русски. Например, в дневнике 1923 года Чуковский пишет: «Очень милые многие люди в Ара, лучше всех Кини (Keeny)» [1, т. 12, с. 80].

Пример вкрапления — мифонима: «Здесь дело не в Santa-Claus'e, а в огромной системе фантастических образов» [1, т. 15, с. 54].

Названия СМИ, издательства Чуковский также по традиции обозначает вкраплениями. Вот примеры: «...ее привела Раиса из «Дитячої книги» [1, т. 13, с. 29]; «Ровно 50 лет тому назад, живя в Лондоне, я вычитал об этом в «Daily News», и всю ночь ходил вокруг решетки Bedfordy Square'a — и плакал как сумасшедший — до всхлипов» [1, т. 13, с. 172].

Вкрапления-топонимы многочисленны, что не случайно, так как это отражение русской культурной традиции, сложившейся в XIX в., которой придерживались авторы XX в. [3, 4, 5, 6] А в текстах Чуковского это подкрепляется долгим проживанием в Великобритании. Например: «Возьму гитару и поеду в Shepherd's Bush серенады петь» [1, т. 14, с. 34]; «К тому же все действие происходит на Russel Square, на Southampton Row, на Oxford street» [1, т. 14, с. 40]. Кроме названий улиц, площадей, парков Чуковский обозначал вкраплениями магазины, кафе, библиотеки, здания (по английской традиции многие имеют названия), памятники и т.п. И смешивает в одной и той же речевой ситуации вкрапления с онимами

на русском языке. Примеры из писем жене: «Был три дня назад в Kew Garden, был в Ричмонде — один» [1, т. 14, с. 43]; «И как мы плакали, когда тебя турнули из Working Men's College» [1, т. 14, с. 54]; «Памятник Charles'у Games, у Napier'у, тому самому» [1, т. 13, с. 335]. Пример из дневника: «Был в Бодлейн Library — чудо!» [1, т. 13, с. 329]; Возможно, имеет значение и то, что библиотеки в Англии работают по другим принципам, совсем не так, как в России. И Чуковский обозначает их по-английски, а район нахождения по-русски.

Став почетным доктором литературы Оксфордского университета, Чуковский свой новый статус тоже обозначил вкраплением: «Я забыл записать, что третьего дня происходила церемония, при помощи которой меня превратили в Lit. Doctor'a» [1, т. 13, с. 330]. Английских коллег автор обозначает вкраплениями: «Приезжал проститься Martin Malia, проф. Калифорнийского университета» [1, т. 13, с. 344]; «Профессор Weil с гитарой» [1, т. 13, с. 364].

Косвенно связано с национально-культурной спецификой текста английское вкрапление, написанное Чуковским в дневнике и представляющее собой «крик души» по поводу бездарных переводов англоязычных авторов на русский язык: «STOP TRANSLATING, TILL YOU GET MYTTER» [1, т. 13, с. 364].

ИВ, никак не связанных с национально-культурным своеобразием принявшего их текста, у Чуковского очень много. Этот автор имел привычку всех би- и полилингвов переходить в письменной речи, тем более в дневниках, с одного языка на другой по причинам, которые билингвы сами не всегда могут объяснить [3, 4, 5]. А. А. Ахматова когда-то писала С. В. Штерну: «Il est intimidant, по-русски это нельзя выразить» [7, с. 204]. Ахматова преувеличила: все можно выразить на родном языке, но иногда это легче/быстрее сделать на другом. Возможно, поэтому так много вкраплений, не связанных с национально-культурной спецификой текста, у Чуковского. Например, в тексты без иностранной национально-культурной специфики он вводит английские вкрапления: «Я посетил его в его студенческой столовой (Kitchen), которую он устроил на Никольской ул. № 1» [1, т. 12, с. 115]; «Это было бы здорово — выписать ее в Питер, и здесь у Каушанского изготовить ей two seeds» [1, т. 12, с. 159]. Не связано с национально-культурным своеобразием текста латинское вкрапление: «Надо мной полка, на ней банки: «Гадюка обыкновенная», «Lacerta vivipara» («ящерица живородящая») и пр.» [1, т. 12, с. 135].

ИВ в текстах Чуковского выполняют всевозможные функции, в том числе юмористическую. Например, трудно удержаться от смеха, читая следующее: «Зашел разговор о материи и духе (Stoff und Geist), и всякий раз, когда произносили слово штоф, Пильняк понимающе кивал головой» [1, т. 12, с. 56]. Пильняк не знал немецкого языка, но одно слово явно понимал.

ИВ используются Чуковским и для характеристики своих современников. В дневнике 1920 г. есть запись: «У его дверей сидит барышня-секретарша, типичная комиссариатская тварь: тупая, самомнительная, но под стать принципу: с тем же тяготением к барству, шику, ligh life'у» [1, т. 11, с. 282]. Английское вкрапление не связано с национально-культурной спецификой текста, но его объем в два с половиной раза меньше русского аналога («великосветская жизнь»). Английским вкраплением автор обозначает беруши, скептически отзываясь об одном из философов: «...но сквозь его ear-stoppes проникли какие-то неясные звуки и получилась «Автобиография» [1, т. 11, с. 485]. Чуковский опять играет словами, блестяще зная английский язык. Слово ear-stoppes в английском имеет в том числе не совсем приличное значение, что и обыгрывает Чуковский. Вкраплениями Чуковский передавал свои эмоции по разным поводам. Например: «Потом в Госиздат, опять — о, bother!» [1, т. 12, с. 82]; «Oh, bother! Все же заснул» [1, т. 12, с. 82]. Вкрапление-звукоподражание есть в одном из дневников: «Помню запах этой ирландки и ее tut, tut к своему сыну» [1, т. 11, с. 86].

К. И. Чуковский, обнаруживая ошибки в переводах англоязычных авторов, негодовал, очень расстраивался, возмущался, о чем неоднократно писал, и свою правоту доказывал вкраплениями. Например, в дневнике 1926 г. он пишет: «Перевод отвратителен: аспидная доска slate он переводит салфетка, храпеть — snore — фыркать, мне приходится вновь переводить огромные куски» [1, т. 12, с. 264]. Подобных примеров применения ИВ как доказательства очень много. Абсурдность ситуации, сложившейся в литературных кругах двадцатых годов прошлого века России, Чуковский передал латинским вкраплением: «Credo quia absurdum», правда забыв добавить связку est [1, т. 12, с. 271].

Обращает на себя внимание тот факт, что в текстах Чуковского есть огромное количество полных и частичных вкраплений в графике языков-источников, которые стали заимствованиями как еще в XIX в., так и уже в XXI в. Например: «Меня из коридорчика перевели в office...» [1, т. 11, с. 94]; «Утром себе сегодня домик для солнечных ванн — solarium» [1, т. 12, с. 147]. Кроме вкраплений из этих примеров

в текстах Чуковского есть следующие, в исконной графике, разных типов, прошедшие стадию вкраплений перед тем, как стать заимствованиями в разные периоды развития русского литературно языка: credo, steward, whisky, chif, omlette, allo, business, hobby, lombard, review, prince, tune, hospiz, ping-pong, marsh, reception, jet, hippodrome, minimum, facon, lord, requiem, sex, best seller, thriller — и др.

Таким образом, функционирование ИВ в текстах разговорно-бытового стиля интереснейшей фигуры отечественной филологии К. И. Чуковского имеет индивидуальные черты. При этом ввод в тексты вкраплений связан с культурными традициями их использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. / Сост., коммент. Е. Чуковская. — 2-е изд., электронное, испр. — М., Агентство ФТМ, Лтд, 2012–2013.
2. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. — 144с.
3. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах разговорно-бытового стиля А. А. Ахматовой / О. Н. Олейникова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (296). — С. 182–185.
4. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в автобиографической прозе М. И. Цветаевой / О. Н. Олейникова // Вестник Воронежского государственного Университета. Серия: филология. Журналистика. 2023. — № 1. — С. 37–41.
5. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах И. А. Бунина разных функционально-речевых стилей / О. Н. Олейникова // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов / Воронежский государственный университет. — Воронеж, 2007. Вып.28. — 408 с. — С. 177–183.
6. Олейникова О. Н. Об одном речевом явлении в текстах О. Э. Мандельштама разных стилей / О. Н. Олейникова // Воронежское лингвкраеведение. Вып. 5: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. — 292 с. — С. 47–63.
7. Ахматова А., Гумилев Н. Стихи и письма // Новый мир. — 1986. — № 9. — С. 196–227.

*Воронежский институт МВД Российской Федерации
Олейникова О. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского и иностранных языков
E-mail: oon_2004@mail.ru*

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation
Oleynikova O. N., Candidate of Philology, Docent of the
Department of Russian and Foreign Languages
E-mail: oon_2004@mail.ru*